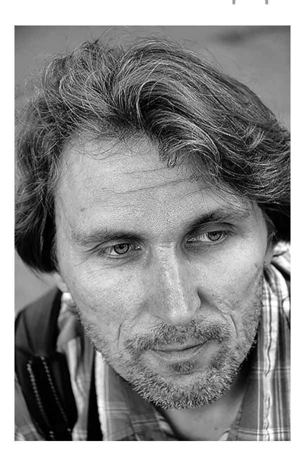
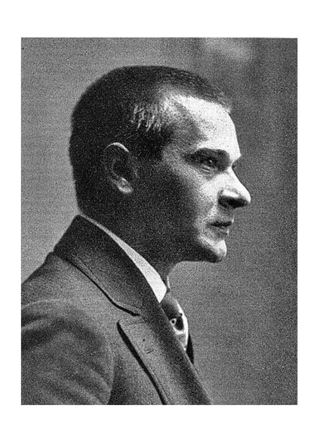

Владислав Цылёв

Звёзд угасших прощальное золото

Избранные стихи Георга Тракля (1887-1914) в переводах Владислава Цылёва

Кто мы? Синие плачи
Родника в глуби мшистого леса,
Там, где утайно фиалки
Благоухают весной.

Г. Тракль

Поэтика Тракля темна и загадочна. Экстатическая и странно-надломленная, она наполнена видениями иных миров и отголосками неведомых таинств. И вряд ли переводима. На языке смыслов она допускает множество различных толкований, каждое из которых в состоянии осветить только фрагмент в неумопостигаемой мозаике целого. Без преувеличения можно сказать, что даже все вместе эти толкования не в силах раскрыть главную тайну, заключенную в стихах Тракля, – красоту их потустороннего песнопения. Что же наделяет стихи Тракля такой возвышенной прелестью и болезненной силой –

Цылёв Владислав родом с Урала. Поэт и переводчик. Окончил МИФИ, учился в аспирантуре. Выпускник Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького в семинаре Валентина Васильевича Сорокина. Участник поэтической группы «Тихие лирики начала НЕтихого века». Автор поэтических книг: «Сердце к сердцу. Букет трилистников» (в соавторстве с поэтами Антониной Спиридоновой и Юлией Великановой). Лауреат литературных конкурсов, публикуется в журналах и сборниках, его творчество представлено в Интернете. Живёт и работает в Москве.

Георг Тракль (нем. Georg Trakl; 3 февраля 1887, Зальцбург – 3 ноября 1914, Краков) – австрийский поэт. Стихотворное наследие Тракля невелико по объёму, но оказало значительное влияние на развитие немецкоязычной поэзии. Трагическое мироощущение, пронизывающее стихи поэта, символическая усложнённость образов, эмоциональная насыщенность и суггестивная сила стиха, обращение к темам смерти, распада и деградации позволяют причислить Тракля к экспрессионистам, хотя сам он формально не принадлежал ни к одной поэтической группировке. Сам поэт описывал свой стиль следующим образом: «Моя манера изображения, сливающая в единое впечатление четыре разных образа в четырёх строках».

Неестественное? Сверхъестественное? Противоестественное? «Они вне моего разумения, – признался друг Тракля – философ Людвиг Витгенштейн, автор «Tractatus logico-philosophicus», – но их интонация переполняет меня счастьем. Это интонация во истину гения»[1]. «Глубоко тронутый, удивлённый, в смутных догадках, растерянный...»[2] – так описал своё состояние Райнер Мария Рильке после прочтения «Себастьяна во сне» – второй книги Тракля, которая увидела свет уже после смерти автора. «Переживания Тракля происходят как будто бы в мире зеркальных отражений и заполняют собой всё его пространство, которое остаётся недоступным, подобно пространству в зеркале», – продолжает Рильке и невольно задаётся вопросом о поэте, создавшем такие неповторимые стихи: «Кем же он всё-таки был?»

*

«Я родился лишь наполовину», – заявил о себе Георг Тракль – певец экстаза и смерти, безумец распада, без сомнения, принадлежавший к числу «проклятых поэтов»: истязая свой дух между светом и тьмой, он – и неприкаянный нищий, ведущий никчемную жизнь, распутник и наркоман с репутацией кровосмесителя из-за двусмысленной связи с младшей сестрой Гретой – музой всей его непродолжительной жизни, но он же и ангел, отрок невинный, аскет, низринутый с неба под гнётом проклятия, тяготеющим над всем человеческим родом. Он – обиталище боли, недуг бытия, кровавый закат человечества. «Я не смею уклоняться от ада», – эти стоические слова Георг произнесёт, словно приговор самому себе, не предполагая, что в самом скором времени ад настигнет его – в гуще битвы при Гродеке[3].

*

Уже в раннем возрасте в поведении Георга наметилось тревожное отклонение от нормы, которое заставляло задуматься о его душевном здоровье и приводило в недоумение жителей города: однажды без всяких на то причин он бросился наперерез бегущей лошади; в другой раз он бросился на рельсы, увидев приближение локомотива, – обе попытки оказались безуспешными. Как знать, может быть, под впечатлением подобных бессознательных опытов и появились годы спустя такие поразительные строки в «Себастьяне во сне»: *«И когда под копыта взбешённых коней вороных он бросился камнем, / Взошла над ним в беспросветности ночи – звезда».* В этой связи вспоминается ещё один экстраординарный случай, произошедший с Георгом в подростковом возрасте, когда он предпринял попытку войти в озеро так, чтобы полностью исчезнуть в его водах, Прежде чем Тракль утонул, спасателям тогда чудом удалось найти его только по расположению шляпы, которая плавала на поверхности. И снова, годы спустя: *«И выдался мрачный день года, печальное детство, / Когда в прохладные воды Отрок вошёл бестревожно, к серебряным рыбам спустился. / Упокоенье и Лик».*

Эта странная «тяга к смерти» усугубилась ещё и тем, что Тракль рано пристрастился к наркотикам, и к 14 годам уже регулярно их принимал, используя хлороформ и сигареты, смоченные в опиуме. Позже, когда он устроился фармацевтом в аптеку «Белый ангел», он приобрёл навыки употребления и других наркотических средств. Чтобы избавлять себя от мучительных видений, порождаемых этим миром, он вводил себя в пограничные состояния сознания к видениям иного порядка, «балансируя на грани между жизнью и смертью, не отдавая предпочтения ни той, ни другой»[4].

«Разновидность смерти неважна, – признался он однажды в беседе с художником Теодором Дойблером. – Смерть так ужасна из-за паденья, и ничтожным

покажется всё, что может предшествовать этому и продолжится после. Мы падаем в запредельную черноту. Как может умирание, миг, что ввергает нас в вечность, быть скоротечным?»[5] С. Аверинцев, рассуждая о природе поэзии Тракля, нашёл для неё удивительно ёмкие слова: «Время, в которое погружены его стихотворения, и есть предсмертная секунда, "вводящая в вечность", и сама становящаяся вечностью...»[6]

«Зачарованность самоубийством» во многом определила сюжет судьбы Тракля и превратилась в один из главных мотивов его поэзии – мотив смерти.

*

Но была ещё одна явная странность в поведении Тракля – зачарованность своей младшей сестрой Гретой, которая была на пять лет младше его. Со всей очевидностью можно сказать, что только к сестре Грете на протяжении всей своей жизни Георг испытывал настоящую привязанность и глубокую любовь. Но эта любовь к самому близкому существу на свете, своей спасительнице и святой, «невесте сладчайшей», которая, словно *«Мирт Непорочный над восторженным ликом склоняется Мёртвого»,* пробуждала в душе Георга и демонические чувства: *«Ненависть поедала огнём его сердце, сладострастие, когда в зеленеющем летнем саду молчаливое дитя он насиловал, в лучистом сиянье которого он свой лик, окутанный мраком, узнал»*. Надо признать, что, несмотря на многочисленные рассуждения биографов о имевших место кровосмесительных отношениях между братом и сестрой, до сих пор не представлено никаких заслуживающих доверия свидетельств в подтверждение этих домыслов – разумеется, кроме лирических «откровений» самого поэта. Известный биограф и исследователь творчества Тракля, психиатр Теодор Шперри[7], утверждал, однако, что обнаружил неопровержимые доказательства предосудительной связи, но отказался раскрывать свой источник, объясняя это тем, что ещё живы некоторые члены семьи Траклей, чувства которых эта информация могла бы травмировать. Но какой бы ни была истина, нельзя отрицать, что инцест является ещё одним главным мотивом в поэзии Тракля, с особой остротой принимая на себя весь трагический пафос архетипического грехопадения и изгнания из рая: «*Виновные бродят в саду / В диких объятиях тени, / Так что древо и зверь в могучем на них обрушились гневе*». Запретная любовь, которую испытал лирический герой, порождает в его душе комплекс вины и чувство страха: «*Временами он вспоминал своё детство, наполненное болезнями, мраком и ужасом, потаёнными играми в звёздном саду...*», и тогда «*из голубого зеркала проступал истончённый облик сестры, и он замертво проваливался во тьму*». Но после каждого провала во тьму и приступов раскаяния в душе героя наступает и спасительное просветление, «*гармония нежная*» в «*волнах хрустальных*», когда «*розовый ангел из погребенья влюблённых ступает*».

Маргарета ненадолго пережила брата. Благодаря влиянию Георга, у неё сформировалась очень ранняя и сильная зависимость от наркотиков; после неудачного брака и выкидыша в 1914 году, в условиях крайней нужды, испытывая длительные приступы депрессии, она в возрасте 25 лет покончила с собой на вечеринке в Берлине в 1917 году.

*

Ад, о котором говорил Тракль, разверзся в его судьбе в августе 1914 года, в начале Первой мировой войны, когда он был призван в действующую армию в качестве младшего медицинского работника и отправлен в Галицию. В битве под Гродеком встретились русские и австрийские войска, и разыгралось одно из самых кровопролитных сражений этой войны, схлестнулась «*тёмная ярость*

народов». Австрийцы были разбиты и отступали в беспорядке. При полном отсутствии врачей Траклю было приказано заботиться о множестве тяжелораненых, которых сносили в сарай. «*Битвы пурпурный прибой*» не стихал. В течение двух суток Тракль слышал только, как «*от убийственных залпов орудий*» гудели «*леса среди осени, золотые равнины, и озёра лазурные*» и как страдали умирающие – «*дикие стоны разорванных уст*». Не имея необходимых средств медицинской помощи, чтобы облегчить их страдания, Тракль был доведён до состояния исступления, когда на его глазах один из раненых, не выдержав боли, разнёс себе голову, всадив пулю в свой лоб. «*На ужасающих рифах / Захлебнулась пурпурная плоть*". От кровавого зрелища Тракль бросился на улицу – на звук канонады, чтобы натолкнуться на трупы, свисающие с голых деревьев, и услышать, как «*убиенные души вздыхают,* – то были местные крестьяне, повешенные по подозрению в нелояльности к австрийцам. «*Пустошь терниями град опоясывает… Во врата дикие волки ворвались*». В помешательстве Тракль предпринял попытку застрелиться, группа офицеров смогла сдержать его только с применением физической силы. После этого инцидента Тракль был направлен в Краков для психологического освидетельствования. Предварительный диагноз армейских психиатров сводился к тому, что Тракль стал жертвой dementia praecox на ранней стадии, но они не смогли завершить обследование. 4 ноября 1914 г. Тракль умер, проведя один день в коме от передозировки кокаина. «*Когда он слёг в прохладу постели, его переполняли несказанные слёзы. Но не нашлось никого, кто бы возложил на чело его свою руку*». Накануне вечером Матиас Рот, денщик Тракля, наблюдал сквозь замочную скважину, что «сердце его господина всё ещё билось, поскольку его грудь с усилием то поднималась, то опускалась»[8]. «*Сон и смерть, орлы мрака / Всю ночь ворожили над этой главой, / Чтобы лик золотой человека/ В ледяных волнах вечности / Канул*». Лишь на следующее утро Тракль отмучился; его тело лежало на кровати, покрытое простыней. «*Он плыл, Ясновидящий, по бурым лугам. О, часы первобытного восхищения. О, душа, что нежно воспела песнь камыша пожелтевшего, огненность кротости*».

Вопрос, была ли передозировка осознанной или следствием роковой случайности, останется навсегда без ответа. Так же как навсегда останется тайной тот исход внутренней брани, которую в последние часы своей земной жизни претерпел великий безумец и одинокий страдалец. «*О, сестра рвущей душу тоски, / Смотри, трепещущий тонет челнок / Под звёздами / Перед ликом безмолвной ночи*».

*

Лирика Тракля отличается нарочито замедленным дыханием, медитативной монотонностью, частыми, словно заклинания, повторами одних и тех же звуков и слов, отчего стихотворные строки обретают медиумический тон, суггестивную силу воздействия. И хотя внешне они порождают череду спонтанных видений и бессвязных галлюцинаций, внутренне мы безотчётно чувствуем подчинение всех образов какому-то сокровенному замыслу, неведомой литургии, тайна которых приоткрывается только за гранью траклевского Заката. «Я ощущаю себя почти по ту сторону мира», – так поэт описал в письме своему другу Фикеру своё душевное состояние, находясь в краковском лазарете и предчувствуя скорую развязку своей судьбы. И приложил к письму два последних своих стихотворения – «Гродек» и «Плач». Но по ту сторону мира в прозрениях Тракля пребывают не только духовные сумерки и вселенская ночь, «*когда в почерневших водах мы каменный лик созерцаем*». Доходя до самых пределов распада и боли, заглядывая в бездны отчаянья, – где-то там, за гранью пости-

жимого, – над зловонным гниением плоти чудесным образом воскуряется ладан, а в глубинах абсолютного Ничто брезжит серафический свет. Траклевская «страна Заката есть переход к самым истокам укоренённой в ней тайно Зари» (М. Хайдеггер)[9]. Той Зари, на которой «*лучезарно подъемлются посеребрённые веки возлюбленных*», преображённая плоть пребывает единой и «*песнопенье воскресших сладостно*». Не потому ли удивительным образом – в унисон с огласительным словом на Пасху: «Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?!» – звучит «Весна души» Тракля: «*Чистота! Всюду одна чистота! Где теперь, смерть, твои тропы ужасные, / Где безмолвие серое, в камне застывшее, где скалы ночи, / Тени где неприкаянные? Лучистое солнце в бездне сияет!*»

*

Замкнутый в себе поэтический мир Тракля с трудом поддаётся пониманию и интерпретации. Особую сложность в его передаче создаёт, на мой взгляд, такая парадоксальная особенность траклевского мироощущения, как расщеплённая оптика восприятия, мозаичность сознания, многочисленные переотражения лирического «Я», вследствие чего от стихотворения к стихотворению в воображении поэта возникают всё новые и новые его фантомы – многочисленные двойники: «*Тот», «Иной», «Потаённый», «Сновидящий», «Пришелец*»... Даже образ сестры-отроковицы в этом мире может стать продолжением отрока-брата – «*отрок лучистый проступает – сестра среди осени*», – образуя андрогинное с ним единение. Лирический герой в поэзии Тракля настолько многолик, что иногда легко ускользает от переводческого взгляда.

В качестве иллюстрации можно привести один очень характерный пример: словосочетание *aus der Kehle des Tönenden* (которое я перевожу как «*горлом Поющего*») в стихотворении «Опочившему в юности» интересно тем, что здесь явным образом обозначен лирический герой, который предстаёт как «*Поющий/ Поющее*», но в переводах, получивших широкое распространение, его субъектность попросту исчезает: «*из певчего горла*» (С. Аверинцев[10], В. Летучий[11]), «*из отверстой гортани*» (К. Соколова[12]), «*из горла мелодией*!» (Н. Болдырев[13]). Так и хочется воскликнуть: «О "бедном *Поющем"* замолвите слово!»

Приведённый пример – песчинка в многомерной картине поэтического мышления Тракля. Неповторимая мелодика его меланхолии, суггестивный слог, сакральная образность, восходящая к Мифу, блуждающий синтаксис письма создают подчас труднопреодолимые проблемы для переводчика и невольно поднимают извечный вопрос: переводима ли в принципе поэзия, передаваем ли голос поэта, его интонация и обертона – слышим ли мы *их* в переводах?

Несмотря на то, что на сегодняшний день практически всё лирическое наследие Тракля доступно на русском языке, и даже представлено несколько полных переводческих версий, самый поверхностный анализ этих работ позволяет увидеть в них немало «тёмных» мест и противоречий, трудностей в передаче подлинного голоса поэта. Наверное, по-другому и не может быть, когда мы прикасаемся к сокровенной поэзии, которая намеренно укрылась тайной, как покровом своим. Можно с уверенностью сказать, что Тракль в пространстве русского слова пока явно «недопереведён», а его поэтический слог «недосказан», и на пути к Траклю потребуется ещё немало усилий, чтобы раскрыть «запечатанный свиток» его поэзии.

В своём подходе к переводам, которые представлены ниже (они для удобства восприятия разделены на пять частей), я руководствовался в первую очередь тем, чтобы верлибры Тракля не просто прозвучали – чтобы они «запели». Удалось ли мне это – судить читателю.

1. В ОГНЕДЫШАЩИХ ЛИВНЯХ ПОЛУНОЧИ

РОЖДЕНИЕ

Цепи гор: чернота, безмолвие, снег.
Красный след из чащобы в долину тянется;
О, мшистый взор лани.

Тишь материнская; в чёрном сумраке елей
Распростёрты дремотные длани,
Когда на ущербе месяц холодный сияет.

О, человека рожденье. Трепещет в ночи
Родник голубой в расщелине скал;
Потрясённый, падший ангел зрит своё отраженье,

Пробуждается Бледное в затворе глухом.
Две луны,
Два ока горят застывшей, как камень, старухи.

О горе, схваточный вопль. Чёрным крылом
Ночь виски повивает младенца,
Тихо с пурпурного облака снег осыпается.

ДЕТСТВО

Ягодный рай бузины. Безоблачно детство таилось
В лазурной пещере.
                        Теперь над тропинкой заброшенной,
Где дикие травы, ржавея, вздыхают,
Ветви свисают, в раздумьях притихшие. Шепчутся листья,

Словно воды поют голубые в расщелине скал.
Нежны плачи дрозда. Приумолкший пастух
Солнце вдаль провожает,
                        что по склону осеннему катится.

Миг голубой – в нём душа без остатка.

Проступает пугливая лань на опушке лесной,
                        И покоятся с миром в долине
Колокольни старинные, деревушки угрюмые.

Всё смиренней теперь постигаешь промысел сумрачных лет,
Прохладу и осень келий пустынных;
И в священной лазури отдаётся со звоном светоносная поступь.

Тихо мается створка в окне приоткрытом;
                        и слёз не сдержать
При виде погоста, на всхолмье ветшающего,

Поминаешь былое, преданья изустные;
но, бывает, душа просветлеет нечаянно,
Вспоминая улыбку на лицах людей, дни весенние в сумрачном золоте.

В ПУТИ

В час вечерний понесли в мертвецкую – Странника;
Дух смольный витал; шёпоты красных платанов;
Взмахи галок сумрачно-тёмные; заступала стража на площади;
Солнце гасло, скрываясь под простынью чёрной; неизбывно
Проживается в памяти этот вечер минувший.

В комнате рядом мелодия Шуберта льётся: сестра исполняет сонату.
Бестревожно тонет улыбка её в обветшалом колодце,
Голубовато мерцающем в сумерках. О, как древен наш род!
Чей-то шёпот в саду ещё не затих;
кто-то оставил небесную твердь эту чёрную.

На комоде яблоки пахнут – дух ароматный разносится.
Теплит бабушка свечку – горит, золотая.
О, как осень печально нежна. С замираньем звенит наша поступь
в стареющем парке
Под сенью деревьев высоких. Гиацинтовый лик полумрака,
как он строго взирает на нас.
Стопы твои ласкает родник голубой, алый покой твоих уст
таинственно дышит,
Дремлет в них сумрак листвы, тёмное злато увядших подсолнухов.
Веки твои, хмелея от мака, на челе моём грезят украдкой.
Нежный звон колокольный сердце до боли пронзает. Облаком синим
Лик твой нисходит, осеняя меня в полумраке.

Песня звучит под гитару в далёком-далёком трактире,
Там, где кусты бузины одичалые, день ноября
из давнишнего прошлого,
Ступанье доверчивое по лестнице меркнущей,
вид побуревших от времени брёвен,
Окно нараспашку, в котором лишь сладость надежды осталась навеки –
Несказанно всё это, о Боже, отчего, до глубин потрясённый,
встаёшь на колени.

О, эта ночь, как она омрачённа. Пламя пурпурное
На моих угасает устах. Тишине отдаваясь, смолкает
Гармония струн одиноких души растревоженной.
Так смелей опьяняй эту голову хмелем – пусть катится в сточную яму.

DE PROFUNDIS[14]

Вот оно – сжатое поле, в которое плачами чёрными излились дожди.
Вот оно – бурое деревце, что одиноко в сторонке стоит.
Вот оно – беснование ветра, что рыщет вокруг опустевших лачуг.
Эта вечерня, как она скорбна.

За околицей где-то
Сиротинушка кроткая остатки колосьев ещё собирает.
В полумраке блаженно пасутся глаза её золотисто-округлые,
О Женихе, о Небесном её лоно тоскует.

По дороге домой
Набрели пастухи на плоть её, на сладчайшую,
Что истлела в колючем терновнике.

Я – тень вдалеке от угрюмых селений.
Из источника в роще
Испил я безгласие Господа.

Хладный металл на челе моём проступает,
Ищут сердце моё пауки.
Вот он – свет, что в устах моих гаснет.

Ночью я очутился на пустоши,
Среди нечистот, весь в пыли звёздной.
В кущах орешника
Хрустальные ангелы вновь зазвенели.

ПСАЛОМ

Затишье; словно Слепец у осенней ограды долу припал,
Взмахи ворон ощущая висками гноящимися;
Золотое затишье осени; лик отца в мерцании солнечном.
Ввечеру деревушка дряхлеющая чахнет в буром покое дубравы,
В кузнице молот стучит, докрасна раскалённый, сердце бьющееся.
Затишье; девица прячет свой лик гиацинтовый
в истончённых ладонях
Меж дрожащих подсолнухов. Онеменье и страх,
Что в глазах стекленеющих, переполняют комнату меркнущую,
Старушечье шарканье, проклятья пурпурного рта
ещё долго витают во мраке.

Неразговорчивый вечер с вином. С нависающей балки под кровлей
Пал ночной мотылёек, словно нимфа,
в голубоватом загробье уснувшая.
Во дворе забивают ягнёночка, сладковатый дух крови
Наши лбы обволакивает, сумрак прохлады в источнике.
Горюет тоска умирающих астр, в ветре гласы златые.
В час, когда ночь подступает, ты меня созерцаешь угасающим взором,
В синем покое щёки увяли твои.

О, как среди плевел неслышно пожар затухает, каменеет деревня,
в долине чернеющая,
Словно с голгофской горы голубой распятие пало,
И земля, онемев, исторгла своих мертвецов.

ТЁПЛЫЙ ВЕТЕР

Плач, на ветру ослеплённый, лунные зимние дни,
Детство, робкий шаг замирает у чернеющей изгороди,
Звон протяжный к вечерне.
Поседевшая ночь неслышно приходит и медленно

Превращает боль и мучения каменной жизни
В пурпурные грёзы,
Чтобы снова и снова терновое жало пронзало гниющую плоть.

В полудрёме душа растревоженная вздох из глуби своей испускает,

Тяжко ветер в древесных разломах гудит,
И плывёт видение скорбное матери,
Колыхаясь от плача, по лесу пустынному

Онемелой печали; ночь за ночью
Потоки из слёз, воспламенения ангельского.
Разбиваются детские мощи о голую стену – в серебряный прах.

АНИФ[15]

Память: чайка, парящая выше небес омрачённых
Той тоски, что исполнена Мужественного.
Тихо под сенью осеннего ясеня ты обитаешь,
В холм погребённый, в измерение праведное;

Снова нисходишь по водам реки зеленеющей,
Как заслышится вечер,
Песнопение любящее; тёмная лань проступает навстречу доверчивая,
Человек сияюще-розовый. Голубым напоённый предчувствием,
Челом ворошишь листву умирающую,
И матери лик воскрешается строгий;
О, как к сумраку всё приникает;

Суровые кельи, убранство и утварь истлевшая
Древних.
Здесь до самых глубин сокрушается сердце Пришельца.
О предначертания эти, о звёзды.

Вина так безмерна Рождённого. О горе, этот озноб золотой, содрогания
Смерти,
Когда в грёзах тоскует душа о свежайшем рассвете.

Неумолчно в ветвях сиротливых плачет птица ночная
Над поступью Лунного.
У самой околицы ветер поёт ледяной.

СЕМИПСАЛМИЕ СМЕРТИ

Голубоватая брезжит весна; меж тянущих соки дерев
Бредёт Потаённое в сумраке, сквозь вечер к закату,
Внимая щемящему плачу дрозда.
В молчании ночь опускается, кровоточащая лань
Никнет к холму с замиранием.

В воздухе влажном ветви яблонь цветущих трепещут,
В серебре обретает свободу всё, что сплелось,
В ночных угасая очах; падучие звёзды;
Сладостный с детства псалом.

Стал ступать ещё призрачней чёрной чащобой Сновидящий,
И в долине взыграл родник голубой,
Чтобы Иной побледневшие веки неслышно приподнял
Над своим белоснежным лицом;

А луна изгоняет красного зверя
Из своего обиталища;
И рыдания смутные женщин в смертных вырвались стонах.

Ещё ярче, лучисто сияя, к звезде своей длани вознёс
Убелённый Пришелец,
Дом, разрушенный в прах, безмолвно покинуло Мёртвое.

О, человека обличье растленное: в нём холодный металл переплавлен,
Ночь и ужас тонущей чащи,
И урочище зверя сожжённое;
Онемение ветра в душе.

На судёнышке чёрном спустился Иной по мерцающим струям,
Полным пурпуровых звезд, и склонилась смиренно
Сень зеленеющих ветвий над ним,
Мак из серебряной тучи.

ОПОЧИВШЕМУ В ЮНОСТИ

О, чёрный ангел, который неслышно из чрева дерева вышел
В пору вечернюю, когда мы невинными были, как дети,
На краю родника голубого.
Отдохновенным было наше ступание, глаза изумлённы
В бурой остылости осени.
О, пурпурная сладостность звёзд.

Но Иной с Монашьей горы по уступам сошёл каменистым
С лазурной улыбкой на лике, и в коконе странном
Наитишайшего детства он опочил;
И остался в саду облик друга серебряный,
Из листвы потаённо внимающий или из древности камня.

О смерти запела душа, о зелёном гниении плоти.
И лес зашумел,
И страстной жалоба лани была.
Неумолчно с высот колоколен темнеющих звали
лазурные звоны вечери.

И час наступил, и увидел Иной на солнце пурпуровом тени,
Тени гниенья на голых ветвях.
И когда чёрный дрозд у ограды померкшей
в тот вечер запел,
В келью призрак неслышно вошёл – Опочившего в юности.

О, эта кровь, что исходит горлом Поющего,
Цветок голубой; о жгучие слёзы,
Пролитые в Ночь.

Облако в злате – и время. В одиноком затворе
Ты всё чаще теперь ожидаешь Усопшего в гости,
По водам реки зеленеющей в задушевной беседе
нисходишь под вязами.

ВЕЧЕРОМ

Ещё желта трава, древесный ствол землист и чёрен,
Но зеленеющей поступью ты проходишь лесною сторонкой,
Отрок, что распахнут очами бескрайними к солнцу.
О, как чуден восторженный крик малой птахи.

С гор доносится речка – прохладная, чистая –
Звенит в зелёном укрытии; и вот так же поётся,
Когда в упоеньи шаги отмеряешь. Первобытна прогулка

В голубизне; дух, что из горьких трав и древес исходит,
В свой образ вглядись. О, Исступлённый!
Любовь умаляется перед Женственным,
Голубоватыми водами. Чистота и покой!

В зачатке сокрыто премногое, мир зеленеющий! Чело затемнённое
Окропи влагой с ветки вечерней;
Поступь и грусть, сливаясь, поют в свете солнца пурпурного.

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Вечереет,
И лик голубой покидает тебя потихоньку.
Пичужка поёт в тамариндовой кроне.

Кроткий инок
Слагает упокоенные руки.
Является белый ангел к Марии.

Ночной венок
Из фиалок, колосьев и гроздей пурпурных –
Это год Созерцающего.

У стоп твоих
Погребения мёртвых отверсты,
Когда ты чело в серебро погружаешь ладоней.

Обитает в тиши
На устах твоих месяц осенний,
Напоённое маковым соком тёмное пение;

Цветок голубой,
Тихо звенящий в камнях пожелтелых.

ВЕСНА ДУШИ

Вскрик во сне; вздохи ветра по чёрным проулкам,
Сквозь надломленность веток приветлива вешняя синь,
Вся в пурпуре ночная роса, и повсюду меркнут созвездия.
Зеленеет рассветно река, в серебряной дымке аллеи
И соборы, и башни старинные. О нежная грусть упоения
В лодке скользящей, о смутные зовы дрозда,
В сады уносящие детства. Пелена просветляется розовая.

Празднично воды звенят. О тень на лугах, напоённая влагой,
Зверь так блаженно ступает; росток зеленеет, ветка цветущая
Хрустальность чела осеняет; лодка, качнувшись, мерцает.
Над холмом тихо в облаке розовом солнце поёт.
Тишь глубинная в ельнике, в водах строгие тени.

Чистота! Всюду одна чистота! Где теперь, смерть, твои тропы ужасные,
Где безмолвие серое, в камне застывшее, где скалы ночи,
Тени где неприкаянные? Лучистое солнце из бездны сияет.

Сестра, я тебя отыскал на лужайке, затерянной
В чаще лесной; полдень стоял, и царственно было безмолвие зверя;
Под дубом раскидистым было бело, и тёрн расцветал в серебре.
О, торжество умирания, о пламя, поющее в сердце.

Всё темнее сгущаются воды, рыб обнимая, их плески чудесные.
Час неизбывной печали, солнца взор молчаливый;
Чужестранное – это душа на земле. Брезжит в сумерках духа лазурь,
Над израненной чащей струится, и протяжно поёт
Над лачугами колокол тёмный; смиренны последние проводы.
Мирт расцветает в покое над белыми веками Мёртвого.

Воды притихшие льются со склона закатного дня,
Тонет берег зелёный во мраке, в дуновении розовом радостно.

Повечерье на всхолмье, песнопение нежное Брата.

ПСАЛОМ ОТРЕШЁННОГО

В птичьем полёте необъятна гармония. Чащи зелёные
Под тишайшими кущами сходятся вечером;
Лани раздолье хрустально.
Потаённое в сумраке утишает волненье ручья, увлажнённые тени,

И соцветия лета, что волшебно звенят на ветру.
Уже дремлет чело человека, в размышленья ушедшего.

И мерцает лампадка – доброта – в его сердце.
И вкушение с миром; ибо хлеб освящён и вино
Дланью Господней, и очами тебя созерцает из ночи
Брат безмолвствующий, да упокоится он после скитанья тернистого.
О, приют в духоносной лазури ночной.

С той же любовью молчанье затворное тени древних отцов обнимает,
Их пурпурные муки, стенанья могучего рода,
Исходящего ныне смиренно смертью в единственном внуке.

Ибо ещё лучезарней от чёрных минут помрачения пробуждается вновь
Страстотерпец на обратившемся в камень пороге,
И безмерно объемлют его прохладная синь и свет угасающей осени,

Тихий дом и сказания леса,
Предел и закон, и лунные тропы ушедших.

ПЕСНЬ О ЗАКАТНОЙ СТРАНЕ

О взмах души, окрылённой в ночи:
Когда-то мы в путь пастухами пускались к темнеющим чащам,
И красная лань, и цветок зеленеющий,
и лепечущий звонко ручей к нам приникали,
Доверчивые. О, напевность сверчковая древности,
На жертвенном камне цветущая кровь
И крик одинокой птицы над зелёным безмолвием заводи.

О, эти походы под сенью креста и огненность пыток
Над плотью, паденье пурпурных плодов
В вечерних садах, где некогда кротко ступали апостолы,
Воители ныне, из ран и от звёздно сияющих грёз пробуждённые.
О, синецветная нежность, букет васильковый в ночи.

О, эти сезоны покоя и осень за осенью в золоте,
Когда мы монахами мирными сжимали пурпур винограда;
И холм озарялся окрест, и чаща сияла лесная.
О, эта травля охотничья и эти замки; упокоенье вечернее,
Когда человек в затворничестве в мыслях вынашивал праведное,
Сражаясь молитвой безгласной за животворящий замысел Божий.

О, горькое время заката,
Когда в почерневших водах мы каменный лик созерцаем.
Но лучезарно подьемлются посеребрённые веки возлюбленных:
Плоть единая. Ладан с розовоцветных струится подушек,
И песнопенье воскресших сладостно.

ВОЗРАСТЫ ЖИЗНИ

Духоноснее светятся дикие
Розы в саду у ограды;
О, затишье души!

В прохладе под сенью лозы
Солнце пасётся хрустальное;
О, ясность святая!

Старец в ладонях пречистых
Спелый плод преподносит.
О, луч любви!

2. ГАРМОНИЯ СТРУН СУМАШЕСТВИЯ

СЕБАСТЬЯН[16] ВО СНЕ

1
Матерь чадо под белой луной понесла,
Под кущей тенистой орешника, под бузиной первозданной,
Напоённая маковым соком и плачем напевным дрозда;
И безмолвно
Сострадальческий лик бородатый над нею склонялся

Из мрака окна осторожно; и убранство старинное
Предков
В пыли истлевало; любовь и задумчивость осени.

И выдался мрачный день года, печальное детство,
Когда в прохладные воды Отрок вошёл бестревожно,
к серебряным рыбам спустился.
Упокоенье и Лик;
И когда под копыта взбешённых коней вороных он бросился камнем,
Взошла над ним в поседевшей ночи – звезда;

А порою под вечер, прижимаясь к остылой руке материнской,
Ступал он осенним погостом святого Петра[17],
Труп истончённый во мраке затвора покоился тихо,
И охаделые веки Иной на него поднимал.

Но всё же он малой был птахой в ветвях сиротливых,
К ноябрьской вечере был звоном протяжным,

Покоем Отца, когда он спускался во сне
по ступеням спирали, по лестнице, в сумраке меркнущей.

2

Умиротворенье в душе. Одинок зимний вечер,
Очертанья пастушьи смутны над старым прудом;
Чадо в лачуге соломенной; о, как бестревожно
Лик в чёрный жар погружался.
Ночь наступала священная.

А бывало, когда он, хватаясь за твёрдую руку отца,
С замираньем взбирался на суровую гору голгофскую,
И в меркнущей скальной пещере
Голубой силуэт Человека проступал сквозь Преданья,
Пурпурная кровь сочилась тогда из раны под сердцем.
О, как в затаённой душе тихо крест воздвигался.

Любовь; чёрный истаивал снег по всем закоулкам,
Голубой ветерок весело в прятки играл в бузине первозданной,
Терялся под кущей тенистой орешника;
И розовый ангел к отроку тихо сходил.

Радость: в кельях прохладных звенела соната вечерни,
И где-то под сводом над балками бурыми
Голубой трепетал мотылёк, из серебра пробиваясь, из куколки.

О дыхание смертное, близкое. В стену из камня
Упадало чело пожелтевшее, утишая Чадо безмолвное
Тем мартом, когда умирал на ущербе месяц в истлении.

3

Пасхальные звоны так розовы под сводами склепа ночного,
И восклицания звёздные так серебристы,
Что с лика Сновидца сходило
безумие тёмное в трепете.

О, как бестревожно ступание по водам реки голубеющей
В созерцаньи забвенного, когда в зеленеющих ветвиях
Дрозд распевал, зазывая Пришельца к закату.

А порою под вечер, ведомый костлявой рукой старика,
Он к стене подходил городской, что в прах рассыпалась,
И Чадо под чёрным покровом одежд нёс Иной – сияюще-розовое,
Дух зловещий являлся тогда под кущей тенистой орешника.

По зелёным уступам лета – ощупью чуткой ступать.
О, в какой тишине пребывали
Сад, угасающий в буром смирении осени,

Дымка и грусть в бузине первозданной,
В час, когда ангельский голос серебряный
умирал в тени Себастьяна.

ОТРОКУ ЭЛИСУ[18]

Элис, когда в чёрной лощине дрозд запоёт,
Где-то рядом погибель твоя.
Причастились прохладой уста твои из ручья голубого в расщелине скал.

Потерпи, пусть исходит чело твоё медленной кровью
Писания древнего,
Пророчества тёмного, в кружении птицы сокрытого.

Мягким шагом уплываешь ты в ночь,
Что поникла лозой от избытка гроздей пурпурных,
Всё чудеснее плещутся руки твои в синеве.

Звенит купина
Там, где очи твои – сияюще лунные.
О, как давно, Элис, ты опочил.

Тело твоё гиацинтом цветёт,
В него погружает монах персты свои восковые.
Пещера чернеющая – наше безмолвие,

Откуда порой кротко зверь выступает
И медленно веки смежает тяжёлые.
Роса на виски твои капает чёрная,
Звёзд угасших прощальное золото.

ПЕСНЬ О КАСПАРЕ ХАУЗЕРЕ[19]

Он всем существом своим солнце любил, что в нимбе пурпурном
за холм опускалось,
Тропинки лесные любил, чёрной птицы распевы,
Мир, зеленеющий радостно.

Он строгий приют в тени древа обрёл,
Лик обрёл ясный.
И пламенем кротким благословил его сердце Господь:
«Се – Человек».

Однажды под вечер он в город забрёл, ступая чуть слышно;
На устах его было чаянье смутное:
«Всадником стану».

Внимали же звери ему и кусты,
Убелённых людей очаги и в сумерках сад,
И по пятам его крался Убийца.

Чудесна весна и лето, и осень чудесна
Для Праведника; бестревожно ступая,
Он в сумрачных келиях спящих нашёл
И в ночи со своею звездой одинокий остался.

Увидел он снег, пеленающий голые ветви,
И в полумраке придела – промельк Убийцы.

В серебряном нимбе глава Нерождённого долу упала.

ГЕЛИАН[20]

В часы одиночества духа
Чудесно в сиянии солнца идти
Вдоль стен пожелтевших лета.

Звенит тихий шаг, утопая в траве; но всё дремлет
Сын Пана в мраморе сером.

На веранде под вечер напились мы допьяна бурым вином.
Румянится персик в листве рыжеватый.
Соната нежна, смех полон счастья.

Чудесно в покое ночном.
На тёмной равнине
Приветствуют нас пастухи и белые звёзды.

Но осень приходит,
И дарует нам роща прозрачность трезвения.
Вдоль краснеющих стен, притихшие, бродим,
Провожая очами округлыми птиц перелётных.
По вечерам сходят белые воды в погребальные урны.

В обнажившихся ветвиях небо ликует.
Благодарные руки крестьянина хлеб и вино преподносят,
И мирно плоды созревают по кладовым, полным солнца.

О, как строго взирают лики нежно лелеемых мёртвых.
Но светло на душе под праведным взором.

*

Тяжела немота опустевшего сада,
Где юный Послушник чело своё бурой листвой украшает;
Вдыхая, он леденящее золото пьёт.

Плещутся руки его в голубеющей древности вод,
А порою и белые лики сестёр ночью холодной ласкают.

Тихий шаг благозвучно плывёт мимо комнат радушных:
Где-то в них одиночество тает, клёны шепчутся где-то,
А возможно, и пенье дрозда где-то всё ещё слышится.

Человек так чудесен, проявляясь во Мраке,
Движения рук своих, ног своих он познаёт, изумлённый,
В пурпурных пещерах зрачки его тихо по кругу блуждают.

К вечерней звезде растворяется Чужестранник бесследно
В чёрной парче распада ноябрьского,
Под ветвями истлевшими, вдоль стен, насквозь изъязвлённых проказой,
Где некогда Брат святой проходил,
Обмирая от тихой гармонии струн своего сумасшествия.

О, как одиноко ветер вечерний смолкает.
В сумрак маслин поникает чело умирающее.

*

Род ужасающе проклят.
В этот час глаза Созерцающего
Золотом звёзд переполняются.

К повечерию тонет звон колокольный, пенье больше не слышится.
Почерневшие стены на площадях рассыпаются в прах,
Мёртвый воин взывает к молитве.

Ангел бледный,
Входит сын в опустевший дом своих предков.

Сёстры же в дали скитальческие к белым старцам ушли.
Ночью нашёл их Сновидящий между колонн в приделе,
Как только они возвратились из странствия скорбного.

О сколько собрали их волосы смрада, кишащих червей,
Но высится он среди нечистот, и стопа его серебрится,
И те, кто мертвы, восстают, покидая затворы сиротские.

О этот псалом в огнедышащих ливнях полуночи,
Когда исхлестали крапивой послушники их очи нежнейшие,
Бузинные ягоды, по-детски доверчивые,
С изумленьем глядят в погребенья пустующие.

Пожелтевшие луны катятся тихо
В жар постели горячечной отрока,
Прежде чем отойдёт он в безмолвие зимнее.

*

В долину Кедрона[21] промысел высший нисходит,
Там, где кедр, созданье смиренное,
Под голубыми бровями отца распростёрся,
И где по ночам пастух на луга своё стадо выводит.
А порою там слышатся вопли во сне,
Когда человека в лесу настигает ангел железный,
И на дышащей жаром решётке плавится тело святого.

Лачуги из глины обвиты лозой винограда пурпурного,
Снопы пожелтевшего жита звенят,
Жужжание пчёл, полёт журавлиный.
По вечерам на тропах скалистых можно столкнуться с воскресшими.

В чёрной воде отражаясь, зрят себя прокажённые;
Или же рвут на себе они рубища, осквернённые гноем,
Стоны вверяя свои целебному ветру, что веет с холма розовеющего.

Истончённые девы переулками ночи пробираются ощупью,
Может, пастырь возлюблённый им повстречается.
По субботам томится в лачугах их пение кроткое.

Пусть напев их помянет и Отрока,
И безумье его, и белые брови, и погибель его,
Истлевающего, что лазурно сияя, очи свои отверзает.
О, как же свидание это прискорбно.

*
В чёрных кельях уступы безумия.
Тени предков в отверстых дверях,
Там душа Гелиана созерцает себя в розовеющем зеркале,
И спадают с чела его снег и проказа.

Звёзды у стен прекращают существование
И видения белые света.

Кости могил сквозь ковровый покров восстают,
В запустеньи кресты догнивают на всхолмье,
Сладостен ладан в пурпуровом ветре ночном.

О, глаза, что разбрызгались в чёрных устах поцелуя,
В то время как внук в помешательстве нежном
Погружён в одинокие мысли о более мрачном исходе,
Голубые вежды смежает над ним тихий Господь.

3. НАПОЁННОЕ ДУХОМ СВИДАНИЕ

ПОКОЙ И БЕЗМОЛВИЕ

Пастухи упокоили солнце в лесу сиротливом.
Сетью худой
Рыбак вытянул месяц из простуженных вод.

В голубоватом кристалле
Обиталец мерещится бледный, созвездья свои он щекою ласкает;
А порой челом погружается в дрёму пурпурную.

Но извечно чёрный птичий полёт омрачает
Созерцающего ясность цветка голубого,
Близкий покой поминает Забвенное, ангелов падших.

Снова ночует чело среди скал, залитых луной;
Отрок лучистый,
Проступает сестра среди осени в разложении чёрном.

К ИОАННЕ[22]

Часто мне чудится поступь твоя
Звонкая по закоулкам.
В маленьком буром саду
Синева твоей тени.

В предрассветной беседке притихнув,
Я за бутылкой вина засиделся,
Капля крови, стекая,
С твоего упала виска

В напоённый песней бокал,
Нескончаем час опечаленный.
Ветер от самых созвездий
Снежно пронзает листья.

Всякая смерть страдальна.
Ночь, человек побледневший.
Губы твои пурпуровые –
Обиталище раны во мне.

Словно сошёл я с зелёных
Хвойных холмов и сказаний
Нашего края родного,
Позабытого нами давно.

Кто мы? Синие плачи
Родника в глуби мшистого леса,
Там, где утайно фиалки
Благоухают весной.

Солнечный мир деревенский
Некогда оберегал
Детство нашего рода,
Уходящего ныне в Закат –

В холм; убелённые внуки,
Грезятся ужасы нам
Нашей полуночной крови,
Призраки в граде из камня.

СУМЕРКИ, НАПОЁННЫЕ ДУХОМ

На опушке лесной осторожно
Тёмная лань проступает навстречу;
Чутко ветер вечерний замирает на всхолмье,

Плач дрозда умолкает,
И осенние нежные флейты
Не слышны в камышах.

На облаке чёрном
Ты плывёшь, одурманенный маком,
По озёрам ночным,

По звёздному небу.
Неумолчно поёт лунный голос сестры
Сквозь ночь, напоённую духом.

ЛЕТО

Плач кукушки в лесу
Смолкает к вечерне.
Колос клонится ниже,
Алеет мак.

Гроза над холмом
Надвигается чёрная.
Древний напев сверчка
В полях замирает.

Ни единым листком
Не шелохнётся каштан.
По спиральной лестнице
Шуршит твоё платье.

Теплится тихо свеча
Во мраке затвора;
Рука серебристая
Её погасила;

Ночь: ни ветра, ни звёзд.

НА ИСХОДЕ ЛЕТА

Зелёное лето так незаметно
Сошло, лик твой хрустален.
Над озерцом вечереющим скончались цветы,
Дрозд испуганно кличет.

Жизни надежда пуста. Домашний приют
Покинуть уже приготовилась ласточка,
И солнце садится за холм;
Ночь завлекает к странствиям звёздным.

Тишина деревень; и всюду поёт
Пустынность лесов. О, сердце,
Любовней склонись
Над покоем Сновидящей.

Зелёное лето так незаметно
Сошло, сквозь ночь в серебре
Поступь Пришельца звенит.
Да припомнит лань голубая тропинку его,

Годы его сладкозвучные, напоённые духом!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

В час вечерний, когда мы по сумрачным тропам блуждаем,
Нам являются бледные наши обличия.

Если чувствуем жажду,
Мы белую влагу пруда испиваем,
Сладостность детства печального.

Покойные, мы под кустом бузины почиваем,
Чаек седых созерцая.

Вешние тучи над градом подьемлются мрачным,
Что молчанье хранит о монахах времён благородных.

Чуть я коснулся запястий твоих истончённых,
В изумлении ты распахнула глаза свои кроткие,
Как давно это было.

И всё же, когда благозвучие тёмное хватает за душу,
Ты являешься Белая в осеннем пейзаже возлюбленного.

* * *

Кротко ночь голубая отверзлась над нашими лбами.
Чутко соприкоснулись наши истлевшие руки,
Невеста сладчайшая!

Наши лики бледными стали, лунные жемчуга
Слились воедино в зелёной постели пруда.
Окаменев, мы созерцаем наши созвездия.

О Претерпевшее муку! Виновные бродят в саду
В диких объятиях тени,
Так что древо и зверь в могучем на них обрушились гневе.

Гармония нежная, когда мы в волнах хрустальных
Сквозь тихую ночь проплываем,
Розовый ангел из погребенья влюблённых ступает.

* * *

О, пристанище в сумерках тихого сада,
Где очи сестры изумлённо и смутно распахнуты в брате,
Пурпур истерзанных губ
В вечерней прохладе истаивает.
Час, разбивающий сердце.

Сентябрь даровал золотистые груши. Ладана сладость,
И георгины горят у старинной ограды;
Поведай, где же мы пребывали, когда на чёрном судёнышке мимо
В повечерие мы проплывали,

В вышине нас журавль провожал. Окоченевшие руки
С чернотой переплетались в объятьях, и струилась кровь нутряная.
Влагой овеивала наши виски синева. Бедное чадо.
Из очей умудрённых проступает глубинно-задумчиво род омрачённый.

* * *

Так суровы, о летние сумерки.
Из уст утомлённых
Отошло твоё золотое дыханье в долину,
К пастушьей обители,
Тонет в листве.
Коршун подьемлет над опушкой лесной
Окаменевшую голову –
Взор орлиный
В серых тучах сверкает
Ночи.

Дико пылают
Возле ограды алые розы,
Любящее
Угасает, пылая в волнах зелёных.
Увядшая роза...

СЕРДЦЕ

Дикое сердце побелело в чащобе;
О тёмный страх
Смерти, когда золото

В беспросветных тучах скончалось.
Закат в ноябре.
У голых ворот бойни
Женщин несчастных толпа;
В каждую из корзин брошено
Мясо смердящее и требуха;
Подаянье проклятое!

Синий голубь под вечер
Не принёс примиренья.
Сумрачный зов трубы
В насквозь промокшей листве
Золото вязов пронзил,
Окровавленный полощется стяг,
Изодранный в клочья,
Чтобы в тоске первобытной
Обострённо внимал человек.
О, бронзовый век,
Погребённый в закатном зареве.

Из мрака придела явилась
Золотым виденьем
Юница,
Окружённая лунами бледными,
Свитой осенней,
Чёрными елями, надломленными
В буре ночной,
Крутая твердыня.
О, сердце,
Что отдаётся, мерцающее,
снежной прохладе.

* * *

Так чутко звенят
К повечерью лазурные тени
У стены убелённой.
Тихо осенний склоняется год.

Час тоски бесконечной,
Словно я погиб за тебя.
Снежным ветром со звёзд
Веет сквозь твои волосы.

Тёмные песни во мне
Губы твои воспевают пурпурные,
Нашего детства кущи умолкнувшие,
Позабытые сказы;

Словно кроткая лань, обитал я
В хрустальной волне
Родниковой прохлады,
А вокруг благоухали фиалки.

* * *

Весенние росы, что с тёмных ветвей
Срываются вниз; ночь опускается
Звёздным сиянием, ибо ты свет позабыл.

Под сводом терновым лежишь, и впивается шип
Глубоко в хрустальную плоть,
Чтобы ночь и душа сочетались огненным браком.

Невеста убрана звёздами,
Мирт непорочный,
Что над восторженным ликом склоняется Мёртвого.

Цветущего трепета полные,
Объемлют тебя, наконец, голубые покровы Владычицы.

СКЛОН

О, напоённое духом свидание
Осенью древней.
Жёлтые розы в саду
У ограды осыпались,
В тёмные слёзы
Растопилась великая боль,
О, сестра!
Как покойно отходит день золотой.

4. ПОМРАЧЕНЬЕ И СОН

(Фрагмент)

В час вечерний превратился в старца отец; в потемневших комнатах лик матери окаменел, и тяжесть проклятия обречённого рода пала на отрока. Временами он вспоминал своё детство, наполненное болезнями, мраком и ужасом, потаёнными играми в звёздном саду, а порою и то, как во дворе в полумраке он вскармливал крыс. Из голубого зеркала проступал истончённый облик сестры, и он замертво падал во тьму. По ночам его рот раскрывался, подобно красному плоду, и звёзды сверкали над его онемелой тоской. Его грёзы и сны населяли старину в обители предков.

По вечерам он любил побродить среди запустенья кладбищенского или в полумраке мертвецкой с интересом рассматривать трупы, зелёные пятна истленья на их прекрасных руках. У монастырских ворот он попросил кусок

хлеба; тень вороного коня выпрыгнула из темноты и до смерти его напугала. Когда он слёг в прохладу постели, его переполняли несказанные слёзы. Но не нашлось никого, кто бы возложил на его чело свою руку.

Когда наступала осень, он плыл, Ясновидящий, по бурым лугам. О, часы первобытного восхищения, вечера у зелёной реки, угодья охотничьи. О, душа, что нежно воспела песнь камыша пожелтевшего; огненность кротости.

В тишине и подолгу звёзды он созерцал в глазах лягушонка, дрожащими руками нащупывал прохладу древних камней и, заклиная, нашёптывал священные сказы голубого источника. О, серебристые рыбы и плоды, что с ветвей искалеченных пали. Аккорд его собственной поступи отдавался в нём гордостью и недоверием к роду людскому.

По дороге домой ему повстречался покинутый замок. Боги низвергнутые стояли в саду, погружённые печально в закат. Но было ему озаренье: здесь я провёл позабытые годы. Органный хорал переполнял его содроганьем Господним. Но он проживал свои дни в потёмках пещеры, лгал и крал, и скрывался, огненный волк, перед белым лицом материнским.

О, в этот час, когда в звёздном саду пал он с каменным ртом, тень убийцы ступила над ним. С пурпурным челом он в болото вошёл, и Божий гнев по плечам металлическим его бичевал; о, берёзы под натиском бури, тёмная тварь, что путь его омрачённый обошла стороной. Ненависть поедала огнём его сердце, сладострастие, когда в зеленеющем летнем саду молчаливое дитя он насиловал, в лучистом сияньи которого он свой лик, окутанный мраком, узнал.

О, горе, тем вечером у окна, когда из пурпурных цветов проступили мощи седеющие, смерть. О, эти башни и колокола; каменным градом на него тени ночи низвергнулись.

5. В ЛЕДЯНЫХ ВОЛНАХ ВЕЧНОСТИ

НА ВОСТОКЕ

Неистов зимней бури орган,
Такова и тёмная ярость народов,
Битвы пурпурный прибой
Звёзд обезлиственных.

Бровью разбитой, рукой в серебре
Ночь привечает солдат умирающих.
Под сенью осеннего ясеня
Убиенные души вздыхают.

Пустошь терниями град опоясывает.
С окровавленной лестницы месяц гонит
Жён перепуганных.
Во врата дикие волки ворвались.

ПЛАЧ

Сон и смерть, орлы мрака,
Всю ночь ворожили над этой главой,

Чтобы лик золотой человека
В ледяных волнах вечности
Канул. На ужасающих рифах
Захлебнулась пурпурная плоть,
И голос смутный стонет
Над водами.
О, сестра рвущей душу тоски,
Смотри, трепещущий тонет челнок
Под звёздами
Перед ликом безмолвной ночи.

ГРОДЕК[23]

По вечерам гудят леса среди осени
От убийственных залпов орудий, золотые равнины
И озёра лазурные, над которыми солнце
Мрачно заходит; ночь принимает в объятия
Умирающих воинов, дикие стоны
Разорванных уст.
Но в долине над нивами тихо сгущается
Красная туча, в которой разгневанный Бог обитает,
Наливается пролитой кровью, лунной прохладой.
Все пути приводят к истлению чёрному.
Под золотою ветвью созвездий и ночи
Колыхается призрак сестры в обезмолвленной роще,
Чтобы приветить души героев, кровоточащие головы;
И тёмные флейты осенние тихо поют в камышах.
О более гордая скорбь! О вы, алтари из бронзы,
Сегодня боль всемогущая воспламеняет факел горящего духа,
Нерождённые внуки.

---

1 Erinnerung an Georg Trakl: Zeugnisse und Briefe. (Otto Muller Verlag, Salzburg, 1959), 37.
2 Ibid.,76.
3 Гродек – местечко в Галиции, где во время Первой мировой войны в октябре 1914 г. произошло крупное сражение между русской и австрийской армиями. Г. Тракль был призван в армию в качестве санитара и оказался в гуще этого сражения.
4 Отто Базиль. Георг Тракль, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Пер. с нем. М. Павчинской, изд. Урал LTD, 2000, с. 21.
5 Erinnerung an Georg Trakl: Zeugnisse und Briefe. (Otto Muller Verlag, Salzburg, 1959), 83.
6 С. Аверинцев. Георг Тракль: Poite Maudit на австрийский манер. Вопросы литературы, 1999, № 5, с. 34.
7 Theodor Spoerri. Georg Trakl: Strukturen in Persοnlichkeit und Werk. (Bern: Francke Verlag, 1954), 41.
8 Цит. по: Отто Базиль. Георг Тракль…, с. 241.
9 M. Heidegger. Die Sprache im Gedicht, in Unterwegs zur Sprache. (Pfullingen: Verlag Gunter Neske), 34.
10 Георг Тракль. Стихотворения. Проза. Письма, под ред. А. Белобратова, Санкт-Петербург, 1996, с. 223.

11 В. Летучий. Себастьян во сне. М.: Водолей, 2016, с. 77.
12 Георг Тракль. Стихотворения. Проза. Письма, под ред. А. Белобратова, Санкт-Петербург, 1996, с. 580.
13 Н. Болдырев. Песнь Отрешённого. СПб.: Летний Сад, Университетская книга, 2014, с. 49.
14 De profundis (лат.) – Из глубины… (имеется в виду «скорби, отчаянья») – начало 130-го псалма.
15 Аниф – замок в окрестностях Зальцбурга.
16 Себастьян – раннехристианский святой мученик.
17 Погост святого Петра – старинное кладбище при монастыре св. Петра в Зальцбурге.
18 Элис – загадочный мифологизированный юноша, историческим прототипом которого послужил шведский горный рабочий Элис Фрёборн, который жил в 17-ом веке и погиб при обрушении горных пород в шахте. Через несколько десятилетий тело Элиса было обнаружено без признаков тления.
19 Каспар Хаузер (1812? –1833) – загадочный юноша, возможно, знатного происхождения, который неожиданно появился в 1828 г. в Нюрнберге и вызвавший в городе переполох. До своего появления его принудительно содержали в изоляции от людей. Он был одет в крестьянскую одежду и мог членораздельно произнести только несколько заученных фраз: «Хочу стать всадником, как мой отец» или «Лошадь! Лошадь!». В декабре 1833 г. неизвестные лица заманили Каспара в парк с обещанием раскрыть тайну его происхождения, где он получил смертельный удар ножом в грудь.
20 Гелиан – мистический персонаж в поэзии Г. Тракля; происхождение этого имени неизвестно, возможно, оно ассоциативно связано с именем «бедного Лелиана» Верлена и с именем Гельдерлина.
21 Кедрон – река, упоминаемая в Библии, и долина между Иерусалимом и Масличной Горой.
22 Иоанна – вероятно, одно из имён героини-двойника в лирике Тракля.
23 Гродек – см. ссылку № 3.